

С К А З К А

о

З О Л О Т О МЪ ПѢТУШКЪ.

Ныгдѣ въ тридевятоомъ царствѣ,
 Въ тридесѧтомъ государствѣ,
 Жилъ былъ славный Царь Дадонъ.
 Съ молоду былъ грозенъ онъ
 И сосѣдямъ шо и дѣло
 Наносилъ обиды смѣло,
 Но подъ старошь захопицъ
 Опдохнуши отъ ратныхъ дѣлъ
 И покой себѣ устроишь;
 Тутъ сосѣди беспокоишъ

Стали спараго Царя,
 Спрашный вредъ ему творя.
 Чтобъ концы своихъ владѣній
 Охранять отъ нападеній
 Долженъ былъ онъ содержать
 Многочисленную рашь.
 Воеводы не дремали
 Но ни какъ не успѣвали:
 Ждуши бывало съ Юга, глядь —
 Ань съ Воспока лѣзипъ рапъ,
 Справяши здѣсь, — лихіе гости
 Идутъ отъ моря — со злоспир
 Инда плакалъ Царь Дафонъ,
 Инда забывалъ и сонъ.
 Что и жизнь въ такой шревогъ!
 Вопиъ онъ съ просьбой о помоѓи
 Обратился къ мудрецу
 Звѣздочету и скопцу —
 Шлемъ за нимъ гонца съ поклономъ,
 Вопиъ мудрецъ передъ Дадопомъ

Сталъ и вынудъ изъ мѣшка
 Золотаго пѣпушка.
 Посади ты эту пицу,
 Молвиль онъ Царю, на спицу ;
 Пѣпушокъ мой золотой
 Будешъ вѣрный спорожъ твой :
 Коль кругомъ все будешъ мирно
 Такъ сидѣшь онъ будешъ смирино ;
 Но лишь чутъ со спороны
 Ожидашъ тебѣ войны,
 Иль набѣга силы брашной,
 Иль другой бѣды незванной,
 Вмигъ тогда мой пѣпушокъ
 Приподымешъ гребешокъ,
 Закричишъ и встрепенешися,
 И въ то мѣсто обернешся.
 Царь скопца благодаришъ
 Горы золота сулишъ —
 За такое одолженье,
 Говоришъ онъ въ восхищеньи,

Волю первую свою
Я исполню, какъ мою.

Пѣпушокъ съ высокой спицы,
Сталъ сперечь его границы —
Чуть опасносТЬ гдѣ видна
Вѣрный спорожъ какъ сосна
Шевельнется, вспрененется,
Къ твой споронкѣ обернется
И кричишь кири ку ку.
• • • • • • • • •

И соєди присмирели,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ Царь Дадонъ
Даль оппоръ со всѣхъ споронъ.

Годъ другой проходитъ мирно,
Пѣпушокъ сидитъ все смирио;
Вотъ однажды Царь Дадонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ

Царь ты нашъ! Отецъ народъ!
 Возглашаешь Воевода,
 Государь! проснись! бѣда!
 Чѣмъ такое Господа?
 Говоришь Дадонъ, зѣвал,
 А? Кто памъ? бѣда какая?
 Воевода говоришь:
 Пѣтушокъ опять кричинишь,
 Спрахъ и шумъ во всей столицѣ.
 Царь къ окошку — аиъ на спицѣ,
 Видишъ, бѣется пѣтушокъ
 Обращившись па Востокъ.
 Медлишь нечего: скорѣе!
 Люди, на конъ! Эй, живѣе!
 Царь къ Востоку войско шлетъ,
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ и Царь забылся.
 Вопль проходилъ восемь дней,
 А опять войска иѣхъ вѣстей:
Часть IV.

Было - ль, не было - ль сраженья ?
 Нѣтъ Дадону донесенья.
 Пѣтушокъ кричитъ опять —
 Кличетъ Царь другую рапью;
 Сына онъ теперь меньшова
 Шлетъ на выручку большова ;
 Пѣтушокъ опять утихъ.
 Снова вѣспи нѣтъ опѣй ихъ
 Снова восемь дней проходяпъ;
 Люди въ страхѣ дни проводяпъ,
 Пѣтушокъ кричитъ опять,
 Царь скликаетъ трепью рапью
 И ведетъ ее къ Востоку
 Самъ, не зная быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь ;
 Имъ спасовится не въ мочь.
 Ни побоища, ни спана ,
 Ни надгробнаго кургана
 Не вспрѣчаепъ Царь Дадонъ

Что за чудо? мыслишь опь.
 Вопь осмой ужъ день проходишъ,
 Войско въ горы Царь приводишъ,
 И промежъ высокихъ горъ
 Вишишъ шелковой шаперь.
 Все въ безмолвіи чудесномъ
 Вкругъ шапра; въ ущельи шевеномъ
 Рашь побитая лежишъ.
 Царь Дадонъ къ шапру съшишъ...
 Что за спрашная картина!
 Передъ нимъ его два сына
 Безъ шеломовъ и безъ лашъ
 Оба мершвыя лежатъ,
 Мечь вонзивши другъ во друга.
 Бродятъ кони ихъ средъ луга,
 По приподнятной прапавѣ
 По кровавой муравѣ.....
 Царь завыль: охъ дѣти, дѣти!
 Горе миъ! попались въ сѣни
 Оба наши сокола!

Горе! смерть моя пришла.
 Всё завали за Дадономъ,
 Застопала пляжкимъ спономъ
 Глубь долинъ и сердце горъ
 Потряслося. Вдругъ шатеръ
 Распахнулся... и девица,
 Шамаханская Царица,
 Вся сияя какъ заря,
 Тихо встремила Царя.
 Какъ предъ солнцемъ птица почн,
 Царь умолкъ, ей глядя въ очи
 И забылъ онъ передъ пей
 Смерть обоихъ сыновей.
 И она передъ Дадономъ
 Улыбнулась — и съ поклономъ
 Его за руку взяла
 И въ шатерь свой увела.
 Тамъ за столъ его сажала,
 Всякимъ яствомъ угощала,
 Уложила опыхашъ

На парчевую кровать
 И потомъ недѣлю ровно —
 Покорясь ей безусловно
 Окоздовашь, восхищенъ,
 Пировали у неї Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
 Со своею силой ратной
 И съ дѣвицей молодой
 Царь отправился домой.
 Передъ нимъ молва бѣжала,
 Быль и небыль разглашала.
 Подъ столицей, близъ воронъ
 Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ
 Всъ бѣгутъ за колесницей
 За Дадономъ и Царицей —
 Всехъ привѣтствуя епъ Дадонъ. . . .
 Вдругъ въ толпѣ увидѣли онъ,
 Въ сарачинской шапкѣ бѣлой
 Весь какъ лебедь посѣдѣлый

Спарый другъ его сконецъ.

А ! здорово, мой отецъ,

Молвилъ Царь ему, чюо скажени?

Подъ поближе, чюо прикажешъ?

Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ ,

Разочпемся на конецъ.

Помнишь? за мою услугу

Обѣщался мнѣ, какъ другу,

Волю первую мою

Ты исполнить какъ свою.

Подарижъ ты мнѣ дѣвицу,

Шамаханскую Царицу

Крайне Царь былъ изумленъ.

Чюо ты? Спарцу молвилъ онъ,

Или бѣсь въ тебя ввернулся,

Или ты съ ума рехнулся.

Чюо ты въ голову забралъ?

Я конечно обѣщалъ,

Но всему же есТЬ граница.

И за чѣмъ тебѣ дѣвица?

Полно знаешь ли кто я?

Попроси ты отъ меня

Хоть казну, хоть чинъ боярской,

Хоть копя съ конюшни Царской,

Хоть поль Царства моего. —

— Не хочу я ничего.

Подари ты мнѣ дѣвицу,

Шамахансскую Царицу —

Говорить мудрецъ въ опивши —

Плюнулъ Царь: такъ лихъ же, ишь!

Ничего ты не получишь.

Самъ себя ты грѣшникъ мучишь —

Убирайся, цѣлъ пока;

Оппишище спарика! —

Спаричокъ хотѣлъ заспоришь,

Но съ инымъ накладно вздорили;

Царь хватилъ его жезломъ

По лбу; топтъ упалъ вичкомъ

Да и духъ вонъ. — Вся сполница

Содрогнулась — а дѣвица

Хи хи хи да ха ха ха !
 Не боится знать греха.
 Царь хопъ быль вспревоженъ сильно,
 Усмѣхнulся ей умильно —
 Вопъ — въѣзжаещъ въ городъ онъ....
 Вдругъ раздался легкой звонъ
 И въ глазахъ у всей столицы
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спины,
 Къ колесницѣ полетѣлъ
 И Царю на темя сѣлъ,
 Вспрепенулся, клюнулъ въ темя
 И взвился... и въ шоже время
 Съ колесницы, паль Дадонъ —
 Охнуль разъ — и умеръ онъ —
 А Царица вдругъ пропала,
 Будто вовсе небывало —

• • • • • • • • •

• •

